

Представления идеологов либерализма в начале XX в. о государстве

В.В. Вострикова

В теории и практике российского либерализма рубежа XIX—XX вв., ввиду отсутствия в стране сформировавшегося гражданского общества, государство рассматривалось как орудие и одновременно объект реформ. «Государство является важным культурным фактором, играющим первенствующую, руководящую роль в историческом развитии общества», — писал Н.М. Коркунов¹. В трудах теоретиков либерализма представлена довольно стройная, в некоторых случаях оригинальная система воззрений на государство, хотя нельзя отрицать сильного влияния на отечественных мыслителей европейской, прежде всего немецкой, науки.

В последнее время появился ряд работ, в которых затрагиваются теоретические взгляды либералов начала XX в. на государство. Однако эти исследования дают лишь фрагментарное представление о рассматриваемой проблеме, поскольку это либо персоналии, либо обобщающие работы, построенные на основе персонифицированного подхода, где в соответствующих главах рассматриваются государственно-правовые концепции отдельных либералов². Системный анализ взглядов либеральных юристов России конца XIX — начала XX в. в данной области предпринял В.Н. Корнев³. Но среди идеологов нового российского либерализма не все (хотя и многие) были юристами. Государственно-правовые теории отечественных либералов проанализированы в работах А.Н. Медушевского⁴, но он не ставил своей задачей исчерпывающее освещение взглядов этих мыслителей по вопросам теории государства.

Все они представляли себе государство как общественный союз, где в качестве объединяющей силы выступает государственная власть. Однако в понимании ее сущности наблюдались расхождения. В.М. Гессен, М.М. Ковалевский, Г.Ф. Шершеневич, Ф.Ф. Кокошкин, Б.А. Кистяковский подходили к этому вопросу с позиций волевой теории: политическая власть — это отношение государственной воли к воле подданных, господство первой над второй⁵. Власть трактовалась как отношения господства и подчинения, складывающиеся между субъектом властной воли (тем, кто обладает способнос-

Вострикова Влада Владиславовна — кандидат исторических наук, доцент Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в г. Орле).

тью влиять на другого и добиваться поставленных целей) и объектом властного воздействия (тем, кто поступает в соответствии с содержанием властного воздействия). Развивая эту мысль, Кокошкин пришел к пониманию власти как субъективного права государства по отношению к подданным, то есть dalla политической власти правовую интерпретацию⁶.

Другая точка зрения была представлена Л.И. Петражицким и Н.М. Коркуновым. Они рассматривали государственную власть как психический феномен. По Петражицкому, «государственная и вообще общественная власть есть не воля и не сила, вообще не нечто реальное, а эмоциональная проекция, эмоциональная фантазма», в основе которой лежат эмоционально-интеллектуальные переживания правового типа: во-первых, императивно-атрибутивное сознание одними своего права повелевать, и, во-вторых, императивно-атрибутивное сознание других, что они должны повиноваться⁷. Коркунов достаточным условием для возникновения отношений властвования считал наличие сознания зависимости у подвластного, причем последнее не обязательно должно было проистекать из действительного факта зависимости одного лица от другого⁸.

Осмысление сущности государственной власти, необходимое для понимания мотивов подчинения власти, позволяло разработать тактику политических реформ. В частности, Шершеневич считал, что в основе такого важнейшего мотива подчинения государственной власти, как традиция, лежит явление психической преемственности: «Человек психологически подчиняется тому, к чему привык». В этом он видел причину безропотного повиновения недавним политикам и жестоким тиранам и, напротив, противодействия новому, пусть даже прогрессивному, но необычному в политической жизни: «Новый порядок, даже если он лучше прежнего, вызывает критику. Каждая ошибка новой власти для нее опасна, а старой власти прощают даже крупные ошибки»⁹. Устойчивость монархической формы правления во многом обуславливалась традиционализмом, а при политических реформах требовалось учитывать силу традиции. Это соображение стало одним из факторов, предопределивших закрепление в программатике либерального движения (до 1917 года) монархического принципа.

Наряду с населением и государственной властью, Кокошкин, Гессен, Ковалевский включали в число существенных признаков государства территорию. Однако такой подход разделяли не все. По мнению В.В. Ивановского, Коркунова, Шершеневича, Петражицкого, «территориальный элемент характеризует лишь степень развития государственной жизни, но не государственную природу», поскольку государство существовало и у кочевых народов¹⁰. Их оппоненты, не отрицая наличие государства у кочевников, выводили понятие государства из анализа исторической практики исключительно оседлых народов, считая, что она «дает достаточно широкое поле для наблюдения»¹¹.

Таким образом, государство трактовалось как соединение людей, занимающих определенную территорию и подчиненных общей политической власти. Социологический подход позволял раскрыть механизм отношений общества и государства.

Однако, по мнению П.Б. Струве, восприятие государства только как социального явления не позволяло осмыслить его в «истинном существе», превращало «живую ткань государства» в мертвое орудие, в безжизненный механизм». Помимо «социальной техники», указывал он, в государстве есть «нечто от божественного начала», оно «существует мистическое». «С точки зрения индивида и его разума — государство сверхразумно и вне разумно», — писал Струве. С помощью властных отношений оно иррационально связы-

вае воедино отдельных индивидов, «заставляет их жить в себе и собою». Струве государство представлялось некоей «соборной личностью», особым аспектом «сверхличного человеческого бытия»¹². В государстве индивидов объединяет «высшая религиозная связь», «бескорыстное, преодолевающее заботу о личном благополучии, религиозное отношение к сменяющему друг друга на земном поприще бесчисленному ряду человеческих поколений, почтение к предкам... и любовь к потомкам». По мнению Струве, утверждение религиозной, божественно-космической сущности государства есть лучшее противоядие против «идолопоклонства перед эмпирическими формами и выражениями государственного начала». Вместе с тем он полагал, что такое, мистическое понимание может породить представление о государстве как высшей самостоятельной субстанции, живущей собственной, отдельной от составляющих его личностей жизнью. И тогда этому существу «охотно приносятся в жертву реальные интересы объединенных в государственном общении людей». А поскольку существо это фантастическое, в действительности не существующее, отмечал Струве, то на место его «тотчас становится более или менее обширная группа живых людей, для которых очень удобно давать своим, подчас низменным, интересам высокую государственную санкцию». По его убеждению, «никакие коллективные образования человеческого духа не ведут существования особого и отдельного от живых человеческих индивидуальностей». Именно личность является «не только самой подлинной реальностью, но и единственным известным нам из опыта субъектом» общественных отношений, а потому права личности всегда «должны стоять выше посягательства какого-либо коллективного, сверхиндивидуального целого, как бы оно ни было организовано и какое бы наименование оно ни носило»¹³. Позднее, в эмиграции, пережив крушение российской государственности в 1917 г., Струве пришел к иному пониманию проблемы: «Государство, как идея и соборное существо, выше всякого отдельного “эмпирического” человека, хотя бы он был монархом, — писал он, — государственная необходимость должна — в интересах государства и самой монархии — превозмочь монаршую волю, как эмпирическую единоличную волю»¹⁴.

Государство рассматривалось в российской либеральной мысли не только как общественный и религиозно-мистический феномен, но и с точки зрения его правовой природы. Принципы либерализма не могли быть реализованы вне правового государства, без ясных правовых норм, регулирующих отношения индивидов между собой и с государством. В этом вопросе в то время в зарубежной, прежде всего немецкой, науке господствовала теория государства как юридического лица. В России наиболее полно ее излагал Кокошкин¹⁵, учившийся у Г. Еллинека.

Юридическая интерпретация служила своеобразным фундаментом для ряда положений либеральной концепции правового государства. Во-первых, государство рассматривалось в таком случае не как физическое лицо монарха, а как совокупность правовых институтов, и тогда ни один из элементов политической системы не был мог «выступать от государства в целом»¹⁶. Отсюда следовало, что и суверенитет как свойство государственной власти принадлежит всему государству, а не к какому-либо одному элементу политической системы (народу, народному представительству, правительству, монарху). Избегнуть двух крайностей — революционного народного суверенитета и феодально-монархического принципа — позволяла компромиссная форма правления — конституционная монархия. При этом предполагалась наличие договорных отношений государства и общества, центральных и местных органов власти, признание взаимных прав и обязанностей. Это давало возможность обоснования автономных прав национальных образова-

ний, различных общественных объединений, личности гражданина перед лицом государства. Коркунов же отрицал понятие государства как юридического лица, видя в государстве юридическое отношение между всеми лицами, проживающими на государственной территории, объектом которого является государственная власть¹⁷. Здесь государство рассматривается как инструмент разграничения и гармонизации различных социальных интересов, своего рода социальный арбитр.

Познание природы государства связано с исследованием проблемы его происхождения, которую либералы отграничивали от вопроса «об обосновании государства»¹⁸.

Как наивную и политически ангажированную, они отвергли теократическую концепцию возникновения государства. Кокошкин считал, что эту теорию, долго служившую обоснованию абсолютной власти монарха, в России правящая верхушка и в начале XX в. использовала для оправдания реакционного политического курса. Не вызвала сомнения также несостоятельность теории общественного договора, главные аргументы против которой были сосредоточены в психологической плоскости. В частности, Кокошкин писал: «Невероятно, чтобы люди, не испытав государственной жизни, могли а priori до представления о государстве... Все, что мы знаем о переходе из первобытного общественного состояния в государственное, говорит в пользу того, что государство не учреждено сознательно и обдуманно, а образовалось постепенно, инстинктивно на почве других предшествовавших ему форм общественной жизни»¹⁹. Таким образом, образование государства воспринималось как эволюционно протекающий, не зависящий от воли отдельного человека процесс, а не как некий разовый, субъективный акт (заключение общественного договора).

И все же теория договора, по мнению либералов, в свое время имела огромное практическое значение. Она внедряла в общественное сознание мысль о том, что «человек должен относиться к государству не как к навязанной извне форме, а как к произведению его воли»²⁰, и тем самым давала теоретическое обоснование реформаторских устремлений прогрессивных общественных сил.

Убежденные в необходимости деятельного участия общества в совершенствовании государственных форм, либералы отвергали органическую теорию, уподоблявшую государство живому организму, когда думают, что все государства, подобно живым организмам, неизбежно проходят какие-то определенные стадии развития, например, этап конституционного устройства. На самом деле ход истории более сложен, непредсказуем. Как указывал Ковалевский, ложное представление о естественном, независимом от воли людей развитии государства могло вредить в практической политике²¹.

С точки зрения либеральных идеологов, материалистические концепции происхождения государства также отражали исторический процесс односторонне, искаженно. Как отмечал Кокошкин, теория насилия Л. Гумпловича и теория экономического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса основывались на ошибочном и политически опасном тезисе о насилии как доминирующем факторе государства. По его мнению, теория Маркса опровергала эволюция форм государства, магистральным направлением которой являлась демократизация политической жизни. Данная тенденция противоречила интересам господствующего класса, ибо вовлечение в политику широких слоев населения вело к падению его политического могущества. Буржуазия вынуждена была мириться с теми политическими формами, которые находили поддержку большинства населения, а значит, государство «хотя и может служить орудием в руках экономически господствующего класса,

но не является произведением... экономической силы этого класса, а имеет свое самостоятельное происхождение и основание». Образно иллюстрируя эту мысль, Кокошкин писал: «Когда человек, искусно пользуясь стихийной силой реки, заставляет ее вертеть колеса своей мельницы, река, конечно, служит орудием для его целей, но отсюда не следует, что она является его произведением»²².

По иной причине отвергал теорию экономического материализма Коркунов. С его точки зрения, «из взаимной борьбы общественных классов не может возникнуть чего-либо возвышающегося над ними, над их разнью и враждой, объединяющего их общностью интересов». Другое дело, если принять во внимание международную борьбу. «Так как в этой борьбе государств участвуют нации как целые, со всеми составляющими их общественными классами, — писал он, — то борьба эта необходимым образом объединяет общественные классы, составляющие каждое государство, и приводит не к односторонней зависимости одного класса от другого, а к общей взаимной их зависимости друг от друга»²³. А потому, по мнению Коркунова, именно международную борьбу следует признать основной причиной возникновения государств. Очевидно, что предложенная им однофакторная теория, отличающаяся от отвергнутых им предшествующих теорий, в частности от теории Гумпловича, только пониманием главного фактора, по сути, имела сходство с ними.

Против односторонности в решении этого вопроса выступал Кокошкин. В генезисе государства он считал необходимым разграничивать два процесса: исторический и психологический. Первый представлял собой реконструкцию на основе обобщения исторических фактов, относящихся к процессу образования государства и государственной власти, а второй — протекавшее параллельно изменение индивидуальной и общественной психологии — мотивов подчинения государственной власти.

Рассматривая исторический аспект, первичной формой общественной организации Кокошкин считал родовые союзы. Хотя признаком, объединявшим в них людей, выступала кровная связь, основанием самого существования этих союзов была общность интересов, прежде всего экономических. Только в общении с себе подобными человек мог добыть средства к существованию и сохранить жизнь. Фактическое слияние общих и личных интересов (первобытная гармония, по Кокошкину) не требовало никакой организации. Потребность в ней появилась, когда общим интересам союза стали противопоставляться, во-первых, интересы сталкивающихся с ним других союзов и, во-вторых, особые индивидуальные и групповые интересы внутри самого союза, формирующиеся вследствие возникновения частной собственности и имущественного расслоения. С целью защиты общих интересов — обеспечения обороны от внешних врагов и сохранения внутреннего порядка — в рамках родоплеменного союза выделилась особая группа людей, обладавших властью над соплеменниками. Этот тип власти Кокошкин назвал родоплеменным.

На дальнейшее развитие власти повлияло отделение скотоводства от земледелия. Переход племен земледельцев к оседлости усилил потребность во внешней защите (кочевники могли уйти от опасности, земледельцы — нет). Помимо того, с появлением земельной собственности возросло имущественное расслоение, что потребовало больших усилий для сохранения внутреннего порядка. Но главной причиной замены родоплеменной организации власти властью государственной стала охрана территории, поскольку стало невозможным разрешение внутренних споров прежними методами, например, уходом недовольных в другую местность. Такова «картина внешнего процесса образования государства».

Внутренний же процесс «совершается в человеческом сознании при подчинении власти». Личная власть образуется, когда одно лицо, благодаря социальному положению, договору, физическому превосходству, личному обаянию и т.п., занимает руководящее положение. В итоге устанавливаются отношения типа подчинение—господство, которые в процессе взаимного психического влияния людей распространяются в социальной группе, одновременно усиливаясь. Создается определенная психическая атмосфера, воздействующая на каждого отдельного члена группы как некая самостоятельная, не зависящая от него сила, заражающая индивида коллективным чувством подчинения. «Человек повинуется властвующему, — пояснял Кокошкин, — уже не [только] в силу своего личного отношения к нему, но и в силу того, что ему повинуются другие; за велениями властителя он чувствует не только его личный авторитет, но и поддерживающую этот авторитет коллективную силу всех остальных участников общения»²⁴. Таким образом власть постепенно отрывается от первоначального личного корня, начинает опираться на новый фундамент — общественное настроение и переходит в новое качество — власть общественную.

Однако власть, основанная лишь на общественном настроении, непрочно: настроение имеет преходящий характер, может перемениться под влиянием множества факторов. Ее устойчивость возрастает, когда со временем в сознании людей утверждается представление об обязанности повиноваться власти, формируется привычка. Общественное настроение постепенно трансформируется в общественное признание, порождающее юридическую норму — обычное право. Получив опору в обычае, «власть приобретает прочность и уже не зависит в такой мере, как прежде, от случайных мимолетных колебаний общественной психики». Она также обретает абстрактный характер, перестает ассоциироваться с конкретной личностью, что, в свою очередь, делает возможным установление общего порядка перехода власти от одного лица к другому. Со временем создается основанный на обычае юридический порядок передачи власти, наследственный или избирательный в зависимости от конкретно-исторических условий. Этим «завершается процесс превращения власти из личной в общественную; власть совершенно теряет индивидуальный характер и делается абстрактным учреждением»²⁵.

Процесс формирования государственной власти не сводится, как считал Кокошкин, только к произвольному, непреднамеренному порождению взаимного психического влияния людей. По его мнению, необходимо учитывать и сознательную человеческую деятельность, направленную на установление и поддержание власти.

Сознательное отношение к власти проявляется уже на ранних стадиях исторического развития, когда отдельные лица, социальные группы борются за власть как средство для достижения своих целей. Борьба за власть «способствует пробуждению сознательного отношения к власти и со стороны тех членов общности, которые не принимают непосредственного участия в этой борьбе». Поясняя эту мысль, Кокошкин писал, что в периоды анархии, временного безвластия, неизбежные в ходе борьбы, большинство населения оказывается в худшем положении, нежели при какой бы то ни было власти, и убеждается на опыте в необходимости власти вообще. Смена различных форм власти делает возможной сравнительную оценку их и сознательное предпочтение той или иной формы. В итоге, «наряду с безотчетным подчинением, коренящимся в чувствах и привычках», формируется «сознательное повиновение... основанное на разумном убеждении», власть рационализируется²⁶.

Таким образом, оформление государственной власти предстает в интерпретации Кокошкина как результат взаимодействия двух элементов: стихий-

ного — инстинктивного подчинения, основанного на чувствах и привычках, и сознательного — рассудочного повиновения, вытекающего из рациональных мотивов.

Значение психологического фактора в генезисе государства отмечали и другие либеральные мыслители. Согласно теории Ковалевского, возникновение государства обусловлено интересами общественной солидарности. Утверждающееся сознание общности интересов, взаимной зависимости друг от друга, подкрепляемое принудительной силой, ведет к возникновению различных союзов. Под влиянием теории Г. Тарда Ковалевский приписывал большую роль в процессе образования государства «психическому воздействию личностей, способных к инициативе, к творчеству, на массы, не способные ни к чему иному, как к подчинению своей деятельности чужому примеру и руководительству»²⁷.

Либеральные теоретики изучали роль психологического фактора не только в процессе возникновения государства, но и в ходе дальнейшей политической эволюции. Отмечая постепенную неуклонную рационализацию политической жизни, Кокошкин ставил ее в связь с демократизацией политики — вовлечением широких слоев населения в процесс сознательной политической деятельности²⁸.

Обращает на себя внимание единство методологических установок у большинства либералов. За редким исключением, они были сторонниками многофакторного подхода. Различие воззрений проявлялось в определении самих факторов. Например, Кокошкин, наряду с психологическим, указывал на территориальный, экономический, социальный фактор и фактор внешней угрозы, а Шершеневич делал упор на три последних фактора²⁹.

Многофакторный подход создавал теоретическую базу также и для осмысления проблемы целей и задач государственной деятельности (термин «функции государства» либералами не использовался). Абстрактное теоретизирование о роли государства в истории Кокошкин отвергал, предпочитая рассматривать проблему в конкретно-исторической плоскости. Представление о действительной цели государства можно получить только путем анализа мотивов, которыми руководствуются деятели, принимающие политические решения. Опираясь на исторические факты, Кокошкин утверждал, что действия власти определяются конкретными интересами — личными, групповыми либо более широкими общественными. Личные интересы властителя могли иметь преобладающее значение лишь на начальном этапе формирования государства. В дальнейшем эгоистическим стремлениям властвующих лиц противопоставляются как сдерживающая и умеряющая сила требования, предъявляемые к власти подданными. Первоначально эти требования облекаются в религиозную форму. В средневековой Европе церковное учение об обязанности и ответственности власти перед богом послужило основой для формирования представления о том, что власть для правителя есть не индивидуальное право, а обязанность по отношению к народу. Но сколько-нибудь крупное государство представляет собой слишком обширный и сложный механизм для того, чтобы его можно было всецело обратить на служение интересам одного или нескольких лиц. Если же носители власти преследуют исключительно свои личные интересы, это чревато или полным разложением государственного механизма и, как следствие, государственным переворотом, или утратой юридически властвующими лицами реальной власти и фактическим переходом ее в другие руки³⁰.

Более серьезное влияние, чем интересы отдельных лиц, оказывают на государственную деятельность интересы преобладающего класса, но и они не могут всецело предопределить ее направление, поскольку неизбежно стал-

квиваются с чаяниями других социальных групп, со стремлением непосредственных носителей власти к независимости, а также с силой общественного мнения. В результате, резюмировал Кокошкин, «направление государственной деятельности представляет собой известного рода компромисс между различными индивидуальными и групповыми стремлениями. Но компромисс между противоположными целями возможен лишь при условии признания участвующими в компромиссе сторонами высшей, объединяющей цели. Такой высшей, общепризнанной целью является общественный интерес»³¹. Осознание этого властвующей элитой и массами, по мнению Кокошкина, может происходить под давлением практической необходимости — в силу обострения социальных антагонизмов, либо в результате способности людей отрешиться от индивидуального и классового эгоизма, но, так или иначе, именно в защите общественного интереса заключается идея политической деятельности, а значит, и цель государства. Аналогичного взгляда придерживался Кистяковский. «Общее благо — вот формула, в которой кратко выражаются задачи и цели государства», — писал он. Косвенное подтверждение того, что подлинная сущность государства заключается в отстаивании солидарных интересов людей, Кистяковский видел в стремлении даже «наиболее жестоких форм государственного угнетения» оправдать свою политику «соображениями о пользе и нуждах всего народа»³².

По мнению Кокошкина, наиболее удачно понятие общественного интереса определил И. Бентам: наибольшая сумма блага для наибольшего количества лиц. Действительно, «при оценке каждой государственной меры с точки зрения общественного интереса, принимается в расчет и количество лиц, интересам которых служит эта мера, и количество пользы, которое она приносит каждому из них в отдельности. С точки зрения общественного интереса может быть одобрена не только мера, направленная на интересы большинства, но и мера, преследующая интересы меньшинства, если эти интересы весьма серьезны, а, напротив, создаваемые ими для большинства неудобства незначительны (например, закон об отдыхе торговых служащих)». При этом Кокошкин добавлял, что должны приниматься в расчет не только интересы живущих в данный момент сограждан, но и интересы будущих поколений³³.

Рассматривая общественный интерес как основополагающую цель государства, либералы указывали на недопустимость поправа под этим предлогом интересов отдельных личностей. Стремление к общественному благу должно сочетаться с охраной и действительной гарантией прав каждого гражданина. Лозунг защиты общественного интереса, указывал в частности В.А. Маклаков, не может служить поводом для принуждения человека забыть собственные интересы, жертвовать собой ради других. В противном случае, пророчески предостерегал он, создается такое государство, которое под предлогом общего блага превращает людей в рабов меньшинства³⁴.

Серьезную опасность для прав и свобод граждан представлял свойственный государству «инстинкт политического самосохранения», проявлявшийся в стремлении к защите государственной организации от посягательств извне и изнутри³⁵. Иначе понимал инстинкт государственного самосохранения Струве, который считал, что государство должно стремиться не столько к самозащите, сколько к наращиванию своего могущества, усилению своей власти внутри страны и за ее пределами. «Переставая исполнять это самое важное, наиболее тесно связанное с мистической сущностью государства назначение, власть начинает колебаться и затем падает», — писал он. Отсюда заинтересованность каждой отдельной личности в укреплении государственной мощи как гарантии сохранения государства — квинтэссенция, энергети-

ческого стержня национальной культуры. Таким образом, лозунг государственного могущества являлся для Струве основой согласования отношений личности и государства, недаром он призывал признать государственное могущество общественной ценностью³⁶.

Конкретизируя основные направления государственной деятельности, либеральные мыслители прежде всего выделяли охрану правопорядка, допускавшую применение принуждения по отношению к гражданам (подданным), которые теми или иными действиями создают угрозу для нормального функционирования общественной системы либо для нормальной жизнедеятельности других граждан.

Проблема государственного насилия имела для либералов огромную практическую значимость ввиду широкого использования принудительных методов российской властью. Либеральные теоретики отмечали, что государство является легализованным «монополистом принуждения». Возложение этой функции на государство представлялось им оправданным по ряду причин. Во-первых, пояснял Коркунов, введение насилия в организованное русло сокращает потребность в нем, иначе каждый сам вынужден был бы защищать собственные интересы. Во-вторых, государство прибегает к насилию с целью охраны общественного интереса, тем самым служа высшим нравственным началам, а не личным эгоистическим интересам граждан³⁷. В-третьих, государственное принуждение, поскольку оно ограничено правом, вводит насилие в строгие пределы и придерживается принципа справедливости наказания, то есть равного ко всем отношения³⁸. Логически выверенные рассуждения представителей российского либерализма о преимуществах монополизации права принуждения в руках государства, с точки зрения политической практики выглядят идеализированными и оторванными от жизни, несмотря даже на то, что относились они к конституционному государству.

Признавая государственное насилие соответствующим определенной стадии развития общества, либеральные мыслители приписывали ему «временный и переходящий характер», верили в постепенное сокращение принудительной функции государства по отношению к личности за счет усиления воспитательной и образовательной функций. Кистяковский возлагал надежды на творческую созидательную силу личности, которая «не может мириться с тем, чтобы государство, долженствующее осуществлять солидарные интересы людей, занималось истреблением и уничтожением их»³⁹. Таким образом, политическим идеалом мыслился правовой порядок, при котором использование государством репрессивных функций сведено до минимума, определяемого правилами общественной солидарности⁴⁰.

Если в отношении отдельных граждан государство, по мнению этих теоретиков, являлось «исключительно охраняющей силой», то в отстаивании общегосударственных интересов ему принадлежала более активная роль⁴¹, вытекающая из стремления государства занять достойное место в системе международных отношений. Как писал Струве, «всякое живое государство всегда было и будет проникнуто империализмом», то есть заботой о внешней мощи⁴². Более того, в ряде государств идея внешнего могущества является приоритетной, так что ее достижению подчиняется внутренняя политика. Однако Струве вынужден был признать, что в XIX — начале XX в. мировое лидерство принадлежало государствам, в политике которых стремление к внешнему могуществу сочеталось с организацией внутренней жизни на либеральных принципах.

Международный авторитет государства определялся также и успехами национальной экономики, а значит, экономической политикой государства. Очевидные недостатки капиталистического хозяйства, в частности, ограни-

чение экономической свободы вследствие монополизации промышленности, как полагал Кокошкин, могли быть устранены при помощи вмешательства государства. «Улучшения существующего экономического строя, — писал он, — можно достигнуть лишь посредством деятельного вмешательства государства в экономическую жизнь»⁴³. Вмешательство это должно быть ограниченным, не колеблящим принцип экономической свободы, соблюдение которого признавалось краеугольным камнем экономической политики. «Хозяйственной жизнью, — писал Струве, — нельзя всецело и сплошь управлять. Превращение хозяйствования в управление означает склероз и вырождение хозяйственной жизни. Идея заменить хозяйственное сплетение единичных волей... управлением есть большая утопия»⁴⁴.

Содействуя экономическому росту, государство должно было удерживаться от соблазна строить свою политику исходя из сиюминутных экономических проблем, не учитывая долгосрочную перспективу. Государство «не может допустить хищнических способов хозяйства, приводящих в близком будущем к полному истощению естественных богатств страны», и должно заботиться о развитии в стране не одной добывающей, но и обрабатывающей промышленности, писал Коркунов⁴⁵.

Высокий экономический потенциал рассматривался либералами не только как залог внешнеполитического могущества, но и как основа благосостояния граждан. Однако они признавали, что развитие свободного рынка неизбежно ведет к усилению имущественной поляризации общества. В этом неравенстве они видели одно из препятствий общественному прогрессу. Главным критерий прогресса — свобода личности — для малоимущих слоев населения может остаться недостижимым благом, закрепленным юридически, но фактически отнятым, указывал П.И. Новгородцев. Поэтому государство должно взять на себя материальные гарантии формально признанных прав и принять меры по сглаживанию имущественной поляризации (рабочее законодательство, допущение профсоюзов, отстаивающих права трудящихся, и т.п.). Новгородцев обосновал понятие «право на достойное человеческое существование», которое, обладая нравственной природой, должно обрести четкие юридические очертания⁴⁶.

Таким образом, либералы выступали за социально направленную деятельность государства, фактически обосновывая в качестве экономического идеала социальное рыночное хозяйство; в этом заключалось существенное отличие нового либерализма от классического.

Сглаживая имущественное неравенство, государство выполняло роль регулятора социальных отношений, то есть «отношений влияния и зависимости как между отдельными лицами, так и между общественными группами». «Чем совершеннее государственная организация, тем слабее зависимость одних групп от других», — писал Ивановский, выдвигая в качестве одного из показателей общественного прогресса установление гражданского равенства⁴⁷. Гражданское равенство играло в либеральной теории роль фундамента всей системы прав личности, тем более важную, что социальная структура российского общества на рубеже XIX—XX вв. сохраняла немало пережитков.

С деятельностью государства связывались широкие возможности в сфере культуры — развития образования, науки, искусства. «Многие драгоценнейшие плоды культуры... возросли именно на стволе государственности», — писал Струве⁴⁸. В частности, развитие народного образования требовало материальных затрат, посильных лишь для государства. Вместе с тем либералы осознавали, что «развить культуру силой власти» государство не в состоянии, его содействие должно иметь косвенный характер⁴⁹. Когда государство задалось этой неосушимой целью, то последствия всегда получались не те,

каких ждали. «Принуждение в области веры приводило или к извержению, или к омертвлению чувства веры, а в области знания — к полному упадку научного мышления», — отмечал Коркунов⁵⁰. По мнению Шершеневича, никакая власть не в силах «навязать обществу как нравственное то, что общество таковым не признает. Закон может установить свободу, равенство, но братство никогда». Однако государство способно содействовать нравственному воспитанию масс. Строгое соблюдение законов самими властями поддерживаемыми, по мнению Шершеневича, сказывается на укоренении чувства законности у граждан⁵¹. Д. Н. Шипов утверждал, что все шаги государственной власти должны соотноситься с принципами христианской этики, что, в свою очередь, будет способствовать внедрению христианских добродетелей в сознание людей. Руководствуясь идеей долга по отношению к гражданам, государство создает нравственный заслон стремлению людей к отстаиванию корыстных интересов в противовес общественным и тем самым способствует единению людей⁵². И хотя поставленный Шиповым государству высокий нравственный ориентир вряд ли применим в практической политике, поднятый им вопрос о соотношении политики и нравственности всегда актуален, равно как и связанная с ним проблема пределов вмешательства государства в дела общества.

Проблема эта имела для либералов ключевое значение, фактически предопределяя то, что предложат обществу либеральные силы в качестве политической цели. Критерием соотносимой с принципами либерализма степени государственного вмешательства в различные сферы общественной жизни выступала возможность свободного развития творческого потенциала личности. Выражая эту идею, Ковалевский писал: «Преследуя лишь определенные задачи, государственная власть не поглощает индивида, а открывает довольно широкий простор для его самостоятельности»⁵³.

В исторической перспективе либеральные политики считались с двумя противоречивыми возможностями: либо сокращение вмешательства государства в дела общества в результате процесса демократизации и формирования гражданского общества, либо расширение сферы государственного властвования ввиду усложнения государственной жизни⁵⁴. При этом, в представлении Кокошкина, рост государственного вмешательства характерен главным образом для экономики, тогда как в сфере духовной культуры он ожидал сокращения регулирующей роли государства⁵⁵.

Усиление роли государства не грозило сужением прав и свобод личности, ввиду условий, создаваемых демократизацией политической жизни: «И при широком развитии государственной деятельности, — писал Коркунов, — индивидуальная инициатива не будет подавлена, если все население одинаково будет призвано к участию в политической жизни, если каждому будет открыта возможность добиваться того, чтобы его идеи получали определяющее значение для государственной деятельности, если состав государственных учреждений не будет иметь кастовой замкнутости, если они будут доступны притоку всех живых сил общества, всех выдающихся личностей». Более того, в условиях демократии «каждое расширение государственной деятельности будет расширять... и поприще деятельности составляющим его личностям»⁵⁶.

Наряду с демократизацией, важнейшей тенденцией общественного прогресса и одновременно препятствием для государственного произвола либералы считали утверждение в государственной деятельности правовых начал, в итоге — формирование правового государства. Однако в обосновании правового характера деятельности государства они исходили из разных посылок. По мнению Кокошкина, первично право. Отсюда подчиненность государ-

ства праву: «Право независимо от государства и ему предшествует... государственная власть основывается на праве и ограничивается правом... она есть власть правовая, а не сверхправовая»⁵⁷. Шершеневич и Гессен, считавшие вторичным право, объясняли правовой характер деятельности государства иначе. Гессен придерживался теории государственного самоограничения, сформулированной Еллинеком, с ее положением о правовой связанности государства им же самим созданным правом, которое обязательно для государства так же, как и для граждан⁵⁸. Шершеневич оценивал идею самоограничения государства как наивную и неверную по существу. «Кто сам себе ставит границы, тот всегда может их переставить», — замечал он. Государственная власть не может быть подчинена праву, потому что «требование, обращенное к самому себе под угрозой, не имеет никакого значения»⁵⁹. Положение о самоограничении государства Шершеневич считал и политически вредным: как образчик политической романтики, оно лишь отвлекает граждан от активной деятельности, тогда как общественное мнение и есть та сила, которая, наряду с политической целесообразностью, побуждает государство действовать в правовых рамках.

Мысль о подчиненности государства праву, при всей спорности ее теоретического обоснования, легла в основу либеральной концепции правового государства и влияла на выработку тактики либеральных партий.

В российской либеральной мысли начала XX в. было представлено понимание государства как общественного, правового и религиозно-мистического феномена. Множественность подходов в данном случае отвечает сложности, многомерности объекта изучения. Вместе с тем, в исследовании государства идеологи нового либерализма отдавали приоритет социологии и социальной психологии. В социологическом плане либералы применяли общепринятый прием определения государства посредством перечисления его существенных признаков (элементов), в число которых включались население, территория и политическая власть. В плане юридического государство выступало как субъект права, наделенный волей вступать в правовые отношения со своими гражданами, а также с обществом; анализ государства с этой точки зрения послужил теоретическим фундаментом либеральной концепции правового государства. Трактовка государства как юридического лица, обладающего единством организации, воли и цели, позволяла утверждать активную преобразующую роль государства в развитии общества. И, наконец, «мистическая» трактовка государства, по сути, являлась реалистичной, ибо, представляя государство как некую иррациональную сущность, имеющую «свой верховный закон бытия»⁶⁰, собственную логику развития, она фактически указывала на определенную закономерность функционирования социальных общностей. Появление религиозно-мистической интерпретации государства в российской либеральной мысли было обусловлено приверженностью части либералов неокантианской философской традиции, тогда как социологическая и юридическая трактовка государства базировались на позитивистской методологии.

Сформулированная ими многофакторная теория происхождения государства с повышенным вниманием к психологической стороне этого процесса обогатила отечественную общественную мысль.

Обоснованное идеологами нового либерализма положение об активной социальной роли государства сопровождалось перенесением акцента с репрессивной функции государства на его созидательную деятельность. Для либералов государство выступало не столько как сила принуждения, сколько как аппарат управления, гармонизации социальных отношений.

Показательно и стремление либеральных мыслителей рассматривать эти проблемы через призму нравственности. В их интерпретации государство

предстает как фактор нравственного роста не только отдельных личностей, но и общества в целом. Уже само осознание личностью своей принадлежностью к государственному союзу, утверждал Струве, позволяет ей возвыситься над эгоистическими сиюминутными потребностями, жить в духовном единении с себе подобными, а не в «физическом столплении» и «физической давке»⁶¹. Соответственно, либералы постоянно привлекали внимание к нравственным аспектам политики.

Воззрения либералов на государство имели гуманистический характер. Они отвергали взгляд на государство как олицетворение насилия, «Левиафана», в котором проявляется звериная сущность человека. Либеральное понимание государства было проникнуто верой в созидательный потенциал личности; само государство воспринималось как необходимое условие общественного прогресса, улучшения жизни всего народа⁶².

Примечания

1. КОРКУНОВ Н.М. Русское государственное право. В кн.: Антология мировой политической мысли. Т. 4. М. 1997, с. 266.
2. ИЛЮШИН В.А. Юридическая концепция В.М. Гессена. Канд. дисс. СПб. 2003; КОМНАТНАЯ Ю.А. Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского. Канд. дисс. Саратов. 2002; КУДИНОВ О.А. Развитие конституционно-правовых теорий российскими государствоведцами в XIX — начале XX в. М. 2000; МАМИТОВА Н.В. Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX — XX в.). М. 2001; и др.
3. КОРНЕВ В.Н. Либеральные концепции государства и права в России начала XX века. Белгород. 2001; ЕГО ЖЕ. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России конца XIX — начала XX века. М. 2005; ЕГО ЖЕ. Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX — начала XX в. Докт. дисс. М. 2006.
4. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Демократия и авторитаризм. М. 1997.
5. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 190.
6. Там же, с. 192.
7. ПЕТРАЖИЦКИЙ Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. 2000, с. 167, 173.
8. КОРКУНОВ Н. М. Лекции по общей теории права. СПб. 1896, с. 246.
9. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М. 1908, с. 38.
10. ИВАНОВСКИЙ В.В. Вопросы государственного, социологии и политики. Казань. 1899, с. 27.
11. ГЕССЕН В.М. Общее учение о государстве. СПб. 1912, с. 75.
12. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica*. № 1997, с. 63, 77, 64, 405—406.
13. СТРУВЕ П.Б. На разные темы (1893—1901). Сб. ст. СПб. 1902, с. 532, 533, 541, 542.
14. Цит. по: СМАГИНА С.М. Проблема революции и власти в работах П.Б. Струве 20-х гг. В кн.: Либеральный консерватизм: история и современность. М. 2001, с. 86.
15. См., например: КОКОШКИН Ф.Ф. К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти. М. 1896, с. 3—13.
16. МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. Ук. соч., с. 436.
17. КОРКУНОВ Н.М. Русское государственное право. Т. 1. СПб. 1914, с. 47.
18. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. Вып. 1. М. 1995, с. 213.
19. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 27.
20. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Социология. Курс лекций. М. 1910, с. 141.
21. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Общее учение о государстве. СПб. 1909, с. 16.
22. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 58.
23. Антология мировой политической мысли, т. 4, с. 274.
24. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 63—65, 72.
25. Там же, с. 74.
26. Там же, с. 77.
27. Цит. по: История политических и правовых учений. М. 2002, с. 554.
28. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 79.
29. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Философия права. Т. 1. Общая теория права. М. 1911, с. 260.
30. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 96, 98.
31. Там же.
32. КИСТЯКОВСКИЙ Б.А. Социальные науки и право. М. 1916, с. 554.
33. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 99.
34. МАКЛАКОВ В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954, с. 390.
35. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 101.
36. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica*, с. 65.
37. Антология мировой политической мысли, т. 4, с. 265.
38. МАКЛАКОВ В.А. Ук. соч., с. 390.
39. КИСТЯКОВСКИЙ Б.А. Ук. соч., с. 555.
40. Антология мировой политической мысли, т. 4, с. 266.
41. Там же, с. 272.
42. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica*, с. 66.
43. КОКОШКИН Ф.Ф. Русское государственное право. М. 1908, с. 85.
44. СТРУВЕ П.Б. Дневник политика. 1925—1935 гг. М.-Париж. 2004, с. 82.
45. Антология мировой политической мысли, т. 4, с. 271.
46. НОВГОРОДСЕВ П.И. Право на достойное человеческое существование. В кн.: О праве на существование. Социально-философские этюды П.И. Новгородцева и И.А. Покровского. СПб.-М. 1911, с. 3—7.
47. ИВАНОВСКИЙ В.В. Ук. соч., с. 47.
48. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica*, с. 77.
49. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 107; ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Общее учение о праве и государстве, с. 29.
50. Антология мировой политической мысли, т. 4, с. 272.
51. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 28, 29.
52. ШИПОВ Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918, с. 142.
53. КОВАЛЕВСКИЙ М.М. Ук. соч., с. 101.
54. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica*, с. 550.
55. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 107.
56. КОРКУНОВ Н.М. Лекции по общему государственному праву, с. 273.
57. КОКОШКИН Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву, с. 203.
58. ГЕССЕН В.М. Ук. соч., с. 57.
59. ШЕРШЕНЕВИЧ Г.Ф. Общее учение о праве и государстве, с. 33.
60. СТРУВЕ П.Б. *Patriotica*, с. 51.
61. Там же, с. 406.
62. ШИПОВ Д.Н. Ук. соч., с. 142.